

ЛИЧНОЕ ИМЯ: НОВЫЙ РАКУРС ИССЛЕДОВАНИЯ

ГНАПОВСКАЯ Л.В.

Киевский государственный лингвистический университет

The subject matter of the article is the linguistic nature of a personal name. The correlation between linguistic and extralinguistic (social, economic and cultural) factors in the semantic structure of antroponyms is under analysis. The act of antroponymic nomination is treated as a complex interaction act in which nominative and predicative basis form a unity. With this in mind personal name is identified as a cognitive propositional structure representing a certain file of knowledge about a pattern of the named person's integration into the existent social world. The article results in formulating the general conceptual scheme of antroponymic nomination.

Базисной посылкой в современных семантических исследованиях является утверждение о том, что природа языковой единицы определяется очень сложной и подвижной совокупностью множества факторов, которые в наиболее общем виде можно свести к следующим:

- *онтологические* (экстралингвистические) факторы, обусловленные объективной природой отображаемой в мысли и языке реальности;
- *концептуальные* факторы, обусловленные закономерностями отображения объективного мира сознанием человека;
- *языковые* (лингвистические) факторы, обусловленные собственными закономерностями, действующими в человеческом языке (Рузин 1996: 39,49).

Факт влияния указанных выше факторов на природу качественной определенности лингвистической единицы позволяет определить последнюю как некую закодированную информационную структуру. Её элементы содержат знания, «снятые» с различных концептуальных плоскостей, совокупность которых составляет целостный глобальный образ мира, возникающий у человека в ходе его контактов с миром и являющийся результатом всей его духовной активности (Жаботинская 1997: 53; Колшанский 1990; Павилёнис 1983: 280; Роль человеческого фактора в языке 1988: 19-20). При этом, по мнению М.К. Петрова, все многообразие форм взаимодействия индивида с окружающей его реальной действительностью можно в наиболее общем виде свести к двум, существенно различным по типу, формам продукта и ориентациям, видам человеческой активности: к деятельности, направленной на извлечение из окружения средств к жизни, и общению, направленному на изменение знания и, через изменение знания, на изменение принятых в данном обществе и передаваемых от поколения к поколению способов деятельности (Петров 1991: 37). Само знание в данном определении представляется в виде закодированной, сокращенной путем обобщения и типизации и свернутой в знаковой форме с целью передачи новым поколениям записи видов социально необходимой деятельности (ор. cit.: 30). Процесс включения в эту деятельность человека как её субъекта можно в общем виде представить следующей схемой:

Схема 1. Процесс включения человека в социальную деятельность

Как видно из приведенной схемы, новое знание человека о мире формируется на основе его предыдущего опыта в социальном коллективе. Прошлый опыт выступает в роли некоей пресуппозиции, которая обычно не эксплицируется (Левицкий 1998: 159). Новое же знание в ходе многочисленных социальных контактов индивида переходит в категорию прошлого опыта (знания), которое существует в человеческой памяти и “составляет информационную базу мышления” (op. cit.). На каждом этапе указанного процесса посредником, обеспечивающим преемственность между знанием и новым знанием, сформированным индивидом в результате его общественно обусловленной деятельности (в том числе общения), выступает язык как семиотическая система, призванная в материальной форме языковых знаков (ЯЗ) опредмечивать многообразие форм контактов общественного человека с внеположенной ему действительностью и тем самым материализовывать идеальный результат деятельности сознания, анализирующего эти контакты (Колшанский 1990: 24). Язык сложнейшим образом переплетается со знаниями о мире, извлеченная из памяти информация оказывается глубоко “вросшей” в схемы памяти, воспринимаемая новая информация интегрируется с ранее известными фактами (Норман 1978: 161; Schank, Birnbaum 1984: 212), а ЯЗ при этом выступает в роли “социального гена”, передающего от поколения к поколению *социокод* как “основную знаковую реалию культуры, удерживающую в целостности и различии фрагментированный массив знания, расчлененный на интерьеры мир деятельности и обеспечивающие его институты общения” (Петров 1991: 36).

Функционирование ЯЗ в качестве “социального гена” обусловлено его способностью фиксировать и неопределенно долго хранить значение. Последнее в современных семантических исследованиях определяется как “концепт, связанный знаком” (Никитин 1974: 6), “мысленно кодируемая информационная структура” (Ченки 1996: 68), когнитивный феномен, образование которого объединяется с процессами концептуализации и репрезентации которого в ходе коммуникации должна вписываться в ряд различных ментальных процессов. Значение, таким образом, — это своеобразное “окно”, через которое исследователь получает возможность проникнуть в концептуальное (психологическое) пространство мышления, скрытое от непосредственного наблюдения (Еремеева 1997: 14).

Ориентация когнитивной парадигмы в лингвистике прежде всего на проблемы интенциональности, ментальных структур и культурных концептов (Сватко 1993: 34) позволяет “последовательно распространить рефлексивный подход на бытие науки в сфере культуры” (Библер 1991: 303). В свою очередь, определяя *культуру* как “реализацию в земных условиях особого, высшего и последнего по времени модуса бытия — сознания, духа” (Левин 1991: 70), мы тем самым получаем возможность проинтерпретировать само сознание как “значимый конститuent бытия” (Сватко

1993: 67) и через его интерпретацию определить, что представляют собой “пакеты информации”, с которыми соотносимы разноуровневые языковые единицы, а также смоделировать ментальные процессы, сопутствующие речевой деятельности человека (Жаботинская 1997: 53).

Применительно к имени собственному (личному), категориальный статус которого в языковой системе до сих пор остается дискутируемой проблемой, такой подход представляется достаточно перспективным. Как отмечает Ю.М. Лотман, система собственных имен “образует не только категориальную сферу естественного языка, но и особый его мифологический слой” на том основании, что “общее значение собственного имени в его предельной абстракции сводится к мифу” (Лотман, Успенский 1973: 286, 287). Миф же представляет собой “наиболее раннюю [...] форму мировосприятия, понимания мира и самое себя человеком, первоначальную форму духовной культуры человечества” (Токарев, Мелетинский 1991: 12). Поэтому правомерно утверждать, что всякий антропоним как лингвистическая единица, семантическая память которой хранит не только диахронические следы своего языкового существования, но и предоставляет исследователю богатый и ценный культурологический материал, является в то же время своеобразным социальным геном – специфически закодированной информационной структурой, хранящей в материальной форме языкового знака сконцентрированный сгусток общественных отношений в том виде, как они отражены в общественном сознании составляющих социум на конкретном временном и социальном срезе индивидов. В подтверждение данной мысли рассмотрим следующие ниже примеры.

Пример 1. Этимология современного английского имени Howard имеет множество толкований, среди которых выделяются такие источники происхождения имени (см. Рыбакин 1983: 189):

•Howard — фамильное имя, пришедшее в современный английский антропонимикон как старофранцузское Huard, в свою очередь восходящее к древневерхненемецкому Hugihard:

•Hugihard < hugu (“ум”, “душа”) + hart (“твердый, крепкий”);

•Howard < днн. Howard, Howart < hoh (“высокий”) + wart (“стража”): букв. “главный страж, караульный”;

•Howard < среднеанглийских основ hog (“боров”) + warden (“страж”): букв. “тот, кто охраняет свиней” или “должностное лицо, ведавшее заготовкой свиней в данном округе”;

•Howard < древнеанглийских основ eowp (“овца”) + heord (“пастух”), т.е. “пастух овец”.

Как видим, данное имя, будучи сложным – двухкомпонентным – по структуре, в каждом из толкований этимологии выступает в роли своеобразной антропонимической формулы, заключающей в себе свернутый фрагмент описания реалий англосаксонского общества. В “Wordsworth Dictionary of First Names” (WD 1995: 101) мы находим замечание о том, что данный антропоним является фамильным именем герцогов Норфолка. Это наталкивает на мысль о том, что фамильное имя эрлов Карлайла, Эффингема, Саффолка и Беркшира вряд ли могло произойти от основы с апеллятивным значением “пастух овец” и тем более “страж свиней”.

Пример 2 взят из ситуации общения:

“You are Lady Jane Marlingforthe, granddaughter of Ethelbert Marlingforthe of Thrate House, Cornwall.”

Jane's mouth gaped.

“Well, am I right?”

She con
Lord C
ured it out
She she
“The v
“The v
“The v
he went wi
ing one. Ar
Ethelreds
В при
конкретн
– (Jane M
печально
смерть) в
вымысле
экономка
имения, г
Поражен
Джейн, л
взаимнос
что семь
семейств
оказавши
убедител
с той, ко
настоялк
с имени
Джейн –
германск
служили
Поэтому
семьи М
перед ни
Прим
структур
муж./жен
+ “отваг
Humphr
(Seyfried)
– “друг”
сохранил
антропо
английск
правлени
англосак
англосак
обознач
чрезвыча
Анал
находящ

She could only stare and make little noises in her throat.
Lord Charles, pleased with himself, asked: "Well, aren't you going to ask me how I figured it out?"
She shook her head dazedly.
"The vase."
"The vase?"
"The vase. The Marlingforthe vase. It is the twin of one my grandfather purchased when he went with your grandfather to the Orient. I recognized it because I grew up with the matching one. And there was the fact of your brother's name. I know that Edgars and Ethelberts and Ethelreds abound on your family tree." (Walker 1990: 252).

В приведенной выше коммуникативной ситуации личное имя наряду с конкретным предметом – (вазой) – (помогает идентифицировать личность девушки – (Jane Marlingforthe) – (наследницы высокого баронского титула, которая ввиду печального стечения обстоятельств (смерть матери, банкротство отца-лорда и его смерть) вынуждена продать имение и отправиться на поиски богатого жениха под вымышленным именем. Брат Эдгар при этом выдается за мальчика-слугу, а бывшая экономка становится “матерью” Джейн. Лорд Чарльз, молодой и богатый владелец имения, в котором волею случая оказывается девушка с семьей, дает им приют. Пораженный скромностью, благородством и благовоспитанностью очаровательной Джейн, лорд вскоре влюбляется в нее. И она, сама того не осознавая, отвечает ему взаимностью. Однако лорда Чарльза терзают подозрения. Он почти уверен в том, что семья, которой он предоставил кров, на самом деле – не простое бедное семейство, а представители богатого и знатного рода, по неизвестным ему причинам оказавшиеся в довольно бедственном положении. Вскоре ему представляется случай убедиться в правильности своих догадок: он видит в комнате девушки вазу, сходную с той, которая была фамильной реликвией его собственной семьи. (Ваза эта была настолько дорога Джейн как память об отце, что она не решилась продать ее вместе с имением). Дополнительное подтверждение его догадкам связано с именем брата Джейн – Эдгара. Дело в том, что композитные (двухкомпонентные) личные имена германского происхождения ассоциировались с определенной социальной стратой и служили для обозначения представителей высшей ступени общественной иерархии. Поэтому обилие Эдгаров, Этельбертов и Этельредов на генеалогическом дереве семьи Марлингфорс дало возможность лорду Чарльзу сделать вывод о том, что перед ним – одна из представительниц этого древнего благородного рода.

Пример 3. Лексема “*frith*” (мир) в качестве составного компонента входит в структуру таких английских личных имен, как жен. *Fri(e)da* (*Freda*) – “мир”; муж./жен. *Frederick* – “мир” + “могущественный, богатый”; муж. *Ferdinand* – “мир” + “отвага”; *Geoffrey* (*Jeffrey*) – “область, край” + “мир”; *Godfrey* – “бог” + “мир”; *Humphr(e)y* – “великан (воин)” + “мир”; *Manfred* – “человек” + “мир”; *Siegfried* (*Seyfried*) – “победа” + “мир”; *Wilfred* – “воля, желание” + “мир”; *Winfred* (*Winfred*) – “друг” + “мир”. Данная лексема не уцелела в современном английском языке и сохранилась только в качестве элемента аффиктивных основ названных антропонимов, в чем повинно влияние французского слова “*paix*” (современное английское “*peace*”). Последнее появилось на Британских островах со времени правления норманского герцога Вильгельма I Завоевателя и развивалось идентично англосаксонскому слову “*frith*” (мир), постепенно вытеснив его из диалектов англосаксонских областей. Исследование развития самого понятия “мир, покой”, обозначавшегося в древнеанглийском языке лексемой “*frith*”, может дать чрезвычайно интересный материал об этносоциальных процессах того периода.

Анализ характера коммуникативного общения как в целом обществ, находящихся в стадии разложения первобытнообщинного строя, так и отдельных

индивидов и членов различных общностей, показывает, что концепт “мир” был ключевым в контексте англосаксонской (шире общегерманской) культурно-исторической традиции (Генинг 1980; Шервуд 1988; Kearney 1995; Morton 1989). Идея “мира-родства” вписывалась в общую концептуальную модель этнического сознания того периода, которую в наиболее общем виде Г. Сюз (Szűcs 1972: 255) определяет как “гентилизм”, т.е. психологическое противопоставление отдельных общностей “МЫ” – “ОНИ” (напр., англ и саксы, англосаксы и даны и т.п.), основанное на чувстве принадлежности к единому роду. В представлении германских народов некая сила мира соединяла различные племена. При этом основой “мира” у англосаксов являлся договор, который заключался письменно и подкреплялся устно определенными действиями. Так, у германских племен, поселившихся на Британских островах, возник особый способ разрешения конфликтов путем установления дружественных отношений, основанных на *кровном родстве*. Подобные отношения, коренившиеся в племенном праве, возникали путем установления личных связей глав племен или их семей.

Лексема “frith” встречается в англосаксонских законах наряду со словами “sib” (“родство, род”) и “cuth” (“известный”, а значит “родной”) уже в IX веке (Шервуд 1988: 91). По свидетельствам историков, лексемы “sib” и “cuth” употреблялись в официальных документах для заключения мирных соглашений, носящих в своей основе родственные связи. Понятие, обозначенное словом “frith”, выражало смысл “мир — мирные отношения” и объединяло две различные этнические общности, не опираясь на какое-либо родство. Так, в законах короля Альфреда можно найти следующую статью: “Это есть мир (“frith”), который король Альфред и король Гутрум и уитаны всех родов англо и всего народа в целом, что проживает в восточной Англии, вместе заключили и клятвами укрепили за себя самих и за своих потомков как рожденных, так и (еще) нерожденных, которые пользуются милостью Господа или нашей”. Подобным образом осмыслен “мир” (“frith”) в договоре королей Эдуарда и Гутрума: “[...] как англ и даны пошли на постоянный мир (“frith”) и дружбу [...]”, а также в законах короля Этельреда: “Если сотоварищ по миру (“frith-man”) короля Этельреда прибудет в немирную страну (“unfrith land”) и тут подходит войско той земли, так пусть его король и все его добро имеют мир (“frith”), т.е. “неприкосновенность”. Приведенная статья является одним из пунктов мирного договора, заключенного между англосаксами и данами. В 1018 году при помощи “frith” король Кнут также утверждает мир между данами и англосаксами: “Именем Господа. Это есть предписание, которое определено и решено мудрейшими соответственно со многими добрыми предварительными условиями; пусть будет, как только король Кнут по совету своих уитанов установил, что мир (“frith”) и дружба (“freondscipe”) между данами и англами, и пусть будет положен конец всем их разногласиям” (перевод Е.А. Шервуд (1988: 91-92).

Как видим, опорой “frith” выступало не кровное родство, а дружба. При этом концепт “frith” нес оттенок оформляющейся государственности и, будучи абстрактным понятием, объединял людей как внутри одной этнической общности, так и лиц различных этнических групп не по принципу родства, а на правовой основе возникающего государства. Указанное право могло иметь политический оттенок либо подкрепляться гражданским правом. “Мир” мог также нести церковную основу. Основой “мира” могло выступать и уголовное право.

Приведенные примеры – достаточно убедительное, на наш взгляд, доказательство того, что личное имя как лингвосоциальный знак общественного человека-личности представляет собой достаточно специфическую вербализованную информационную структуру, отражающую некоторые закономерности включения именованного им объекта в общую систему социально обусловленной деятельности последнего. С учетом этого попытаемся определить то место, которое анализируемая языковая

категория занимает концептуальную статус, характер

Говоря об окружающего человека “представляет собой выключено прологическое [...] подлежащего на 1986: 37). Именно формированию человеческого сознания. Только в процессе устремления, на основании своего рождения струк

Сознание как в окружающем концептуальную миропонимания (Роль человеческого “выходит на поверхность в свою очередь мира (ЯКМ) (он закрепляет в личности человека, необ (Жаботинская свидетельство о человеческой деятельности в отдельном виде.

Важным моментом является то, что одной стороны, взаимодействия мира в определенном вышеуказанном языке общая прослеживающая мира как глоб (мнений и знаний 1993: 49; Павел непрерывного собственной деятельности

При попытке номинации указали как лингво-своеобразным во все многообразие Акт наречения настоящий опосредством их

категория занимает в данной системе и на этом основании построить общую концептуальную модель антропонимической номинации, определив при этом статус, характеризующий антропоним в этой модели.

Говоря об актах наречения именем (словом) отдельных фрагментов окружающего человека мира, следует особо подчеркнуть, что всякий акт номинации “представляет собой речемыслительный акт, из протекания которого не может быть выключено промежуточное звено: когнитивное, отражательное, концептуально-логическое [...], но деятельностное, т.е. свидетельствующее о включенности подлежащего наречению объекта [...] в деятельность и жизнь человека” (Кубрякова 1986: 37). Именно в понятии деятельности Е.С. Кубрякова усматривает “ключ к формированию той сетки концептов, которые входят в концептуальную систему человеческого сознания и, возможно, предшествуют языку” (Кубрякова 1997: 77). Только в процессах деятельности, имеющих в своих истоках чисто человеческие устремления, мотивы, причины, потребности и характеризующихся на этом основании своими установками и целями, происходит, по мнению исследователя, рождение структур сознания и структур знания (op.cit.: 78).

Сознание как интеллектуальная способность мыслящего индивида выделять себя в окружающем мире формирует сеть жизненных представлений человека – его концептуальную картину мира (ККМ) (Жаботинская 1993: 48) как “акт миропонимания, зависящий от призмы, через которую совершается мировидение” (Роль человеческого фактора 1988: 55). Рожденная коллективным сознанием, ККМ “выходит на поверхность” в семантике разноуровневых языковых единиц, которые в свою очередь участвуют в формировании единой, целостной языковой картины мира (ЯКМ) (op.cit.: 177). Последняя, будучи по своему содержанию уже ККМ, закрепляет в памяти сообщества образцы наиболее важных моментов бытия человека, необходимых для его адаптации в природной и социальной среде (Жаботинская 1993: 48), и каждый отдельный акт номинации как косвенное свидетельство факта “остановленного” внимания на одном из компонентов человеческой деятельности демонстрирует заинтересованность номинатора в отдельном выделении именно этого компонента.

Важным моментом при рассмотрении структуры всякого номинативного акта является то, что саму реальность именуемого объекта необходимо связывать, с одной стороны, с онтологией мира в целом, с другой — с тем, в каких процессах взаимодействия с миром и в каких целях был задействован данный фрагмент мира в определенном виде деятельности (Кубрякова 1997: 79). С учетом вышеуказанных положений лежащая в основе создания разноуровневых единиц языка общая концептуальная модель должна представлять собой некий прослеживающийся в языке понятийный «каркас» концептуальной картины мира как глобальной, непрерывно конструируемой системы информации (мнений и знаний) об универсуме, которой располагает индивид (Жаботинская 1993: 49; Павилёнис 1983: 280), получающий эту информацию в процессе своего непрерывного каждодневного взаимодействия с миром, т.е. в процессе собственной деятельности.

При попытке построения общей концептуальной модели антропонимической номинации указанные выше положения представляются весьма существенными. ЛИ как лингвосоциальный знак общественного человека-личности оказывается своеобразным “паролем”, позволяющим именуемому им индивиду включиться во всё многообразие форм взаимодействия и контактов с окружающим миром. Акт наречения ребенка именем аккумулирует в себе не только прошлый и настоящий опыт деятельности родителей-имядателей, но и, что важно, посредством их целеполагания и установки на создание гармоничной физически

и духовно личности именуемого включает в себя также будущий опыт последнего, прогнозирующий его “вхождение” в экологический и социальный мир современной ему эпохи.

В нашем понимании, акт номинации личным именем органически вписывается в общую систему концептуальных категорий, которые формируются в сознании именуемого индивида в ходе его активного взаимодействия с внеположенным ему миром вещей и явлений. Система эта представляет собой иерархически организованную многоярусную структуру, на каждом из уровней которой “содержится определенная схемная информация, сквозь призму которой человеком осмысливается как внешний, так и свой собственный внутренний мир” (Жаботинская 1993: 51). Эта информация оказывается “снятой” с различных концептуальных плоскостей – *локусов*, в рамках которых разворачивается общая панорама деятельностного бытия нарекающего именем (а значит — познающего нарекаемый объект) индивида – “Я”. Локусами этими оказываются наиболее общие понятийные категории нашего сознания – такие, как Пространство, Время, Количество/Качество, Культура, Оценка, Целеполагание, Коммуникация.

В каждом из моментов своего филогенетического существования именуемый “Я” одновременно осознает себя определенным в качестве субъекта номинативной деятельности всеми указанными выше концептами. Так, он обязательно существует [ЗДЕСЬ] – в *Пространстве* (экологическом и социальном) – Локус₁. Он же неизбежно определен конкретными временными рамками [ТЕПЕРЬ], осуществляя ориентацию во *Времени* (циклическом и социальном) – Локус₂. Несомненно и то, что бытийствующий [ЗДЕСЬ] [ТЕПЕРЬ] индивид обязательно представлен также в определенном *Количестве* [СТОЛЬКО] и *Качестве* [ТАК] – Локус₃. Указанные концептуальные локусы 1 – 3 вместе создают сферу синхронного онтологического статуса номинатора, формируя его нынешний опыт (*этот опыт*) и составляя сферу онтологического фильтра восприятия человеком мира и себя в нем. Однако, как субъект собственной познавательной деятельности, всякий осуществляющий номинативную деятельность индивид качественно предопределен также и *прошлым опытом* — *Культурой* (Локус₄), в контексте которой он соотносит свой настоящий (*этот*) опыт с системой сложившихся в обществе аксиологических эталонов и ценностей, строя в соответствии с этим свою социально обусловленную *Оценку* [ХОРОШО/ПЛОХО]. Иными словами, *оценивая ретроспективно* собственную систему отношений с действительностью, именуемый “Я” пропускает свое сознание через “аксиологический фильтр”, осознавая себя в роли субъекта культуры, т.е. подключая к сфере своего (“Я” + этот опыт) еще и приобретенный социумом “*прошлый опыт*” деятельности.

Специфически человеческим свойством мыслящего индивида, определяющим структуру сознания именуемого “Я”, является *Целеполагание* (Локус₅), связанное с необходимостью ориентироваться в своей деятельности (как практической, так и речемыслительной) на приобретение определенного *будущего опыта*. При этом, полагая цель, т.е. имея некую интенцию, установку на получение определенного конечного результата, нарекающий именем субъект прогнозирует не только свой собственный будущий опыт контактов с именуемым, но и в некотором роде программирует будущий опыт последнего, реализуя модусы [ХОЧУ/НЕ ХОЧУ] своего сознания: [ХОЧУ] видеть ребенка [ТАКИМ] (гармоничным в физическом и моральном планах членом социального коллектива) и [НЕ ХОЧУ], чтобы он был [ТАКИМ] (злым, глупым, уродливым и т.п., т.е. изгоем в этом коллективе).

Завершающей ступенью в представленной нами иерархии концептуальных плоскостей-локусов сознания именуемого индивида является *Лингвопрагматический*

контекст (Локус₆). Цель – вербальная интенция, индивидуальное его в ряд происходит соответствующим актом номинации именуемого экологически определенной аккумуляцией плоскостей и фильтров – с лингвокоммуникационных действующих сигналов и ст. то, что для д. словами, в одновременном акте интенции один фильтр, что, как предопределенно уровнем обратных отношений.

С учетом антропоники. Схемы 2., и творческой и прошлый и общения с им к номинатор (“ТЫ”). Важ же локусов личного имени включ: и субъект ном

Суммируя концептуалы представляет и их взаимосвязующего и опыт нарекаемого (опыт), с другим именем ребенок прогнозирует мысль о том, процессов рафрагмент вос

контекст (Локус₆), в рамках которого в ходе коммуникативного акта осуществляется цель – вербализуется в материальной форме языковой единицы – личного имени – интенция, установка номинатора на идентификацию именуемого как индивидуальность, личность (процесс индивидуализации) и одновременно введение его в ряд подобных, посвящение в члены сообщества (процесс интеграции). Здесь происходит логическое завершение всех рассмотренных выше процессов и соответствующих им видов деятельности и складывается общая целостная картина акта номинации личным именем как акта, знаменующего собой включение именуемого ребенка в процесс активного взаимодействия с окружающим его экологическим и социальным миром. В результате этого акта формируется определенный вербальный образ нарекаемого именем человека-личности – образ, аккумулирующий в себе информацию, снятую с различных концептуальных плоскостей и, следовательно, пропущенную через определенный «деятельностный фильтр» – онтологический, аксиологический, интенциональный и обязательно лингвокоммуникативный. При этом, выбирая из множества одновременно действующих и подталкивающих к созданию (выбору) того или иного имени сигналов и стимулов, именуемый “Я” в каждом конкретном случае выбирает лишь то, что для данной ситуации является наиболее релевантным и значимым¹. Иными словами, в каждом конкретном акте номинации данным личным именем одновременно с обязательными для всякого номинативного антропонимического акта интенциональным и лингвокоммуникативным фильтрами “высвечивается” еще один фильтр, мотивирующий данный акт, – онтологический либо аксиологический, что, как правило, обусловлено качественной представленностью имядателя в определенном социальном пространстве – его этнической принадлежностью, уровнем образования и в целом местом, занимаемым в системе социальных отношений.

С учетом всего вышесказанного общая концептуальная модель антропонимической номинации может быть представлена в виде следующей ниже Схемы 2., из которой явствует, что именуемый “Я” как субъект собственной творческой номинативной (речемыслительной) деятельности, опираясь на свой прошлый и настоящий опыт и ориентируясь при этом также на будущий опыт общения с именуемым, создает образ последнего, который выступает по отношению к номинатору-имядателю в роли коммуникативно значимого ДРУГОГО “Я” (“ТЫ”). Важно отметить, что ККМ именуемого индивида формируется в рамках тех же локусных форм, что и ККМ нарекающего именем субъекта, и посредством личного имени как средства своей идентификации в обществе носитель данного имени включается в такие же процессы социально обусловленной деятельности, что и субъект номинации – имядатель.

Суммируя изложенные выше соображения, следует отметить, что в предложенной концептуальной модели номинации личным именем, которая по сути своей представляет собой общую схему взаимодействия именуемого “Я”, “Я” именуемого и их взаимодействия с окружающим миром, антропоним выполняет роль связующего и опосредующего звена, в котором аккумулирован, с одной стороны, опыт нарекающего именем индивида (“Я” + этот опыт + прошлый опыт + будущий опыт), с другой – прогнозируется будущий опыт деятельности нарекаемого данным именем ребенка в определенном социальном коллективе (“ТЫ”/ДРУГОЙ “Я” + твой прогнозируемый будущий опыт). С учетом этого оправданной, на наш взгляд, будет мысль о том, что ЛИ-ЯЗ, формируясь как итог целого комплекса познавательных процессов различного уровня абстракции, не только обозначает словом (знаком) фрагмент воспринимаемого мира (именуемого человека-личность), но и фиксирует

результат мышления. Иными словами, помимо своей основной функции общественно обусловленной идентификации обозначаемого им индивида, антропоним выполняет еще и *когнитивную функцию*², становясь тем самым *языковым репрезентантом некой структуры знания*, составляющей часть нашего сознания, притом сознания “коллективного, и потому разделяемого обществом говорящих на одном и том же языке” (Кубрякова 1997: 81). С учетом всего вышесказанного, закономерно встает вопрос о том, что же представляет собой ментальная структура, вербализуемая в материальной форме антропонима как лингвосоциального знака общественного человека-личности.

Согласно достаточно распространенной в современной когнитивной лингвистике точке зрения, все знания (как языковые, так и неязыковые), в совокупности составляющие информационный тезаурус человека, репрезентируются в памяти последнего единой пропозициональной формой (Арутюнова 1976; Панкрац 1992; Anderson 1983; Grandy 1992). При этом само понятие пропозиции пришло в лингвистику как категория классической логики, где “под пропозицией, или логическим суждением, подразумевалась определенная форма мысли, утверждающая или отрицающая нечто о предметах действительности” (Арутюнова 1976: 23-24). С учетом этого лингвисты – сторонники пропозициональной формы представления знаний едины во мнении, что пропозиция передает некоторое суждение о мире, вследствие чего вся информация поступает в память в виде наборов пропозиций как субъектно-предикатных конструкций, в которых отношения между субъектом и предикатом отражают способ, посредством которого человек познает окружающий мир (Залевская 1985: 159). Таким образом, долговременная память человека представляет собой огромную сеть взаимопересекающихся пропозициональных деревьев, каждое из которых включает некоторый набор узлов памяти с помеченными связями (Панкрац 1992: 89). Как следствие этого, слова во внутреннем лексиконе человека могут взаимоассоциироваться лишь при том условии, что соответствующие им понятия входят в закодированные в памяти пропозиции как некоторые конфигурации элементов, структурированные в соответствии с правилами и имеющие показатель истинности (ор. cit.: 85). Другими словами, подчеркивает в этой связи Е.С. Кубрякова (1991: 18), “внутренний лексикон – это [...] действующая система, в которой каждая единица “записана” с инструкцией ее использования, с данными о ее оперативных возможностях, притом по всем мыслимым линиям ее употребления – прагматической, чисто формальной, семантической”.

В рамках настоящего исследования пропозиция понимается нами вслед за Ю.Г. Панкрацем как единица репрезентации знания, “ментальная структура, отражение некоторой ситуации и типов отношений в ней, обобщаемых и организуемых в нашем сознании” (Панкрац 1992: 84). В свете данного определения можно предположить, что всякий антропоним с когнитивной точки зрения, т.е. с точки зрения рассмотрения его как одного из форматов репрезентации знаний, представляет собой своеобразную *пропозициональную структуру* на том основании, что, *идентифицируя* нарекаемого данным именем ребенка как самостоятельный, целостный, уникальный и индивидуальный по своей сути «предмет», ЛИ одновременно *характеризует* его как одного из членов социального коллектива, вводит в ряд подобных, вовлекая тем самым в определенные канонизированные обществом образцы и модели деятельности/общения.

Другими словами, в едином акте наречения ребенка именем оказываются сопряженными и тесно связанными два начала субъектное, номинативное (*акт номинации*) и признаковое, предикатное (*акт предикации*). В результате в материальной форме антропонима как языкового знака репрезентируется некая

Схема 2. Концептуальная модель антропонимической номинации

К
К
М

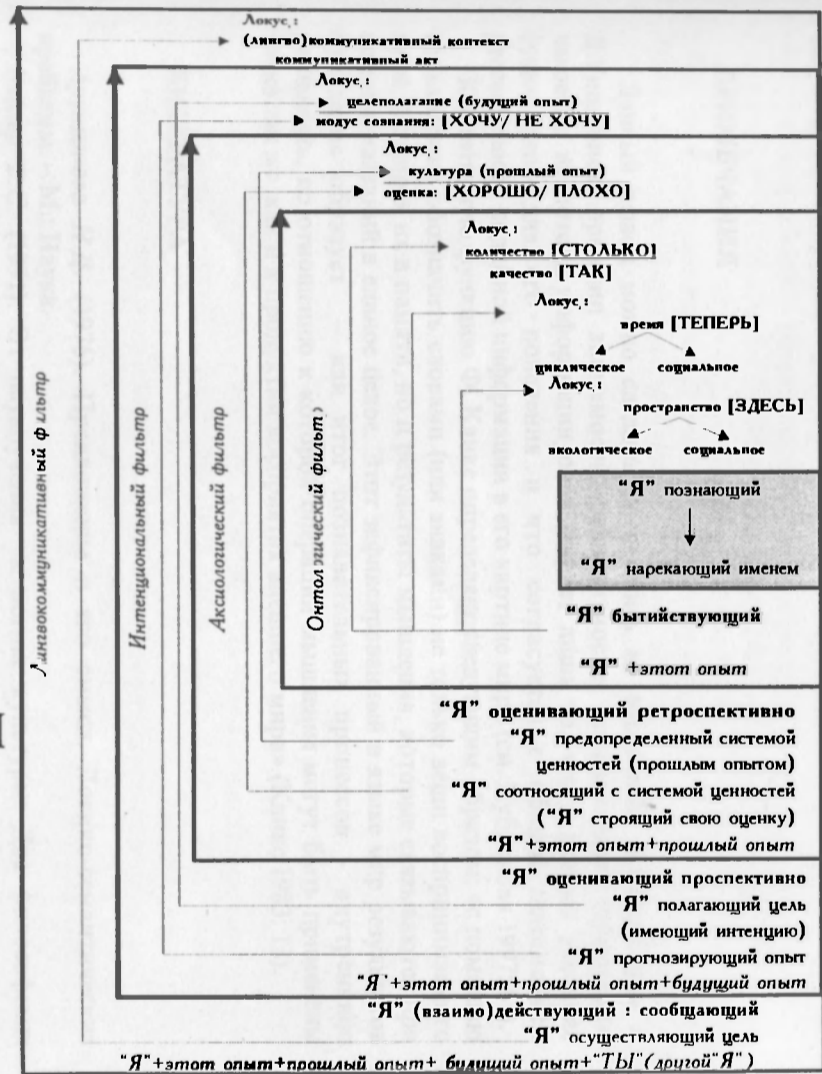
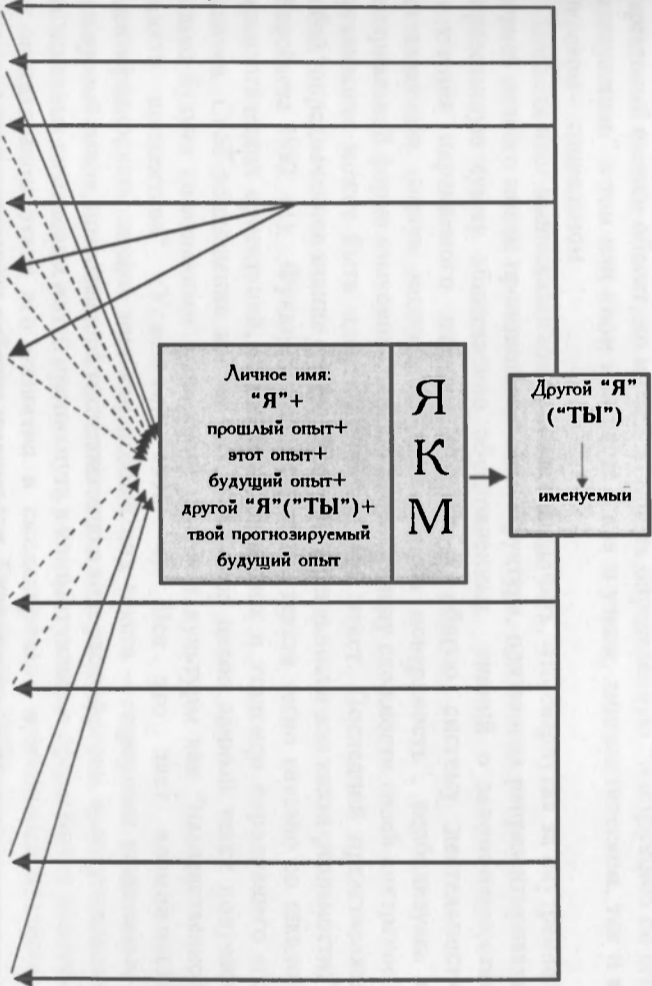

Схема 2. Концептуальная модель антропонимической номинации

субъектно-предикатная конструкция, не только называющая, обозначающая нарекаемый именем объект, но и предлагающая определенную «инструкцию по его эксплуатации» в том или ином контексте – как в узком, лингвистическом, так и в широком – социальном.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что свернутая за внутренней формой личного имени пропозициональная структура, призванная репрезентировать определенную сумму общественно обусловленных знаний о закономерностях включения нарекаемого данным именем в общую систему деятельности составляющих социум индивидов, «выходит на поверхность», вербализуясь в материальной форме языкового знака, который ввиду сложности своей внутренней организации может быть идентифицирован как текст. Последний представляет собой «опредмеченное знание о мире (фрагменте реальности или квази-реальности)» (Воробьева 1993: 41). Функционирование этого текста тесно связано со шкалой аксиологических ориентаций, моральных установок и эталонов породившего его социума. Свое воплощение как коммуникативное целое данный текст получает только будучи помещенным в широкий контекст культуры как «наследственной памяти коллектива» (Успенский 1996: 4). Все это дает возможность идентифицировать личное имя как особый вид текста – *свернутый национально-культурный текст*, позволяющий исследователю в ходе расшифровки, «распутывания» его основных смысловых нитей проникнуть в концептуальные сферы бытия социума на определенном этапе его развития и смоделировать ментальные процессы, сопутствующие наречению ребенка именем (см. Гнаповская 1998).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данный вывод можно сделать, сославшись на введенный Д.Шпербером и Д.Уильсоном принцип значимости, релевантности, управляющий поведением человека: из потока информации он выбирает лишь то, что в данных условиях существенно для его поведения и что согласуется с общим пониманием релевантности подобной информации в его картине мира (см. Кубрякова 1997: 81).

² Когнитивную функцию Ф. Кликс определяет следующим образом: «с помощью языка можно обозначить словами (или знаками) не только вещи воспринимаемого мира, фиксируя их в памяти, но и результаты мышления, которые связываются при помощи названий в единое целое. Этот зафиксированный в языке мир результатов мышления образует – как итог познавательных процессов – внутреннюю реальность, по отношению к которой операции мышления могут быть применены точно так же как и к продуктам восприятия внешнего мира» (Кликс 1983: 13).

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. (1976). Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М.: Наука.

Библер В.С. (1991). От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат.

Воробьева О.П. (1993). Лингвистические аспекты адресованности художественного текста (одноязычная и межъязыковая коммуникация): Дис. ... д-ра филол. наук. – Москва.

Генинг В.Ф. (1970). Этнический процесс в первобытности. Опыт исследования закономерности зарождения и раннего развития этноса. – Свердловск: Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького.

Гнаповская Л.В. (1998). Фреймовая репрезентация знаний в прототипической ситуации “Наречения ребёнка именем” (На материале английских личных имён//Проблемы лексичної семантики та семантики тексту. – Київ. — С. 15 – 31.

Еремеева Н.Ф. (1997). Концептуальное пространство английской народной сказки: Дис. ... канд. филол. наук. – Киев.

Жаботинская С.А. (1993). К вопросу о принципах построения концептуальной модели языковой номинации//Имя: Слово, словосочетание, предложение, текст (именование на различных уровнях языка). – Киев. – С. 48 – 56.

Жаботинская С.А. (1997). Фигурный логос текста с позиций голографического моделирования//Культурологический компонент языка: Материалы V Междунар. конференции “Язык и культура”. – Киев. – С. 52 – 58.

Залевская А.А. (1985). Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности//Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М.: Наука. – С. 150 – 171.

Кликс Ф. (1983). Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта: Пер. с нем. – М.: Прогресс.

Колианский Г.В. (1990). Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука.

Кубрякова Е.С. (1986). Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука.

Кубрякова Е.С. (1991). Об одном фрагменте концептуального анализа слова ПАМЯТЬ//Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Л69 Наука. – С. 85 – 91.

Кубрякова Е.С. (1997). Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: РАН ИЯ.

Левин И.Д. (1991). “Шестой план”//Историко-философский ежегодник '91/АН СССР. Ин-т философии. – Москва. – С. 271 – 306.

Левицкий А.Э. (1998). Функциональные подходы к классификации единиц современного английского языка. – К.: КГЛУ; Житомир: “АСА”.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. (1973). Миф – имя – культура//Труды по знаковым системам: Учён. зап.Тартуский гос. ун-т. – Тарту. – Вып. 308. – Т. VI. – С. 282 – 306.

Никитин М.В. (1974). Лексическое значение в слове и словосочетании. – Владимир: Владимирский гос. пед. ин-т.

Норман Д.А. (1978). Знания и роль памяти//Вопр. психологии. Москва. – № 4. – С. 158 – 169.

Павилёнис Р.И. (1983). Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль.

Панкрац Ю.Г. (1992). Пропозициональная форма представления знаний//Язык и структуры представления знаний. – Москва. – С. 78-97.

Петров Н.К. (1991). Язык, знак, культура. – М.: Наука; Главная редакция восточной лит-ры.

Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира (1988). – М.: Наука.

Рузин И.Г. (1996). Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов//Вопр. языкознания. Москва. – № 5. – С. 39-50.

Сватко Ю.И. (1993). Мир имени: явленность смысла (Ещё одна попытка осмысления философии имени)//Руденко Д.И., Сватко Ю.И. Философия имени: в поисках новых пространств. – Харьков: Око. – С. 3 – 68.

Токарев С.А., Мелетинский Е.М. (1991). Мифология//Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – М.: Сов. энциклопедия. – Т.1. – С. 11 – 20.

Успенский
Ченки А. (1998).
различия в те
Шервуд Е.
английского
Anderson J.
Grandy R. I.
Contrasts. Ne
Lawrence Erlb
Kearney H.
Cambridge Un
Morton A. I.
Schank R.,
Study in Cogn
Szűcs G. (1998).
Budapest. – Vo

ИСТОЧНИ

Рыбакин А.
WD (1995)
Freedman T.
Walker L.
Publishing Co

- Успенский Б.А. (1994). Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Гнозис.
- Ченки А. (1996). Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях//Вопр. языкознания. Москва. – № 2. – С. 68–78.
- Шервуд Е.А. (1988). От англосаксов к англичанам (к проблеме формирования английского народа). – М.: Наука.
- Anderson J.R. (1983). The Architecture of Cognition. – Cambridge (Mass): MIT Press.
- Grandy R.E. (1992). Semantic Fields, Prototypes and the Lexicon//Frames, Fields and Contrasts. New Essays in Semantics and Lexical Organization. – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers. – P.103-122.
- Kearney H. (1995). The British Isles: A History of Four Nations. – Cambridge etc.: Cambridge Univ. Press.
- Morton A.L. (1989). A People's History of England. – London: Lawrence & Wishart.
- Schank R., Birnbaum L. (1984). Memory, Meaning and Syntax//Talking Minds: The Study in Cognitive Science. – Cambridge (Mass.): MIT Press. – P. 49-65.
- Szász G. (1972). "Nationalität" und "Nationalbewusstsein" im Mittelalter//Acta Historica. – Budapest. – Vol. XVIII. – #3-4. – S. 251-273.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

- Рыбакин А.И. (1973). Словарь английских личных имён. – М.: Сов. энциклопедия.
- WD (1995). The Wordsworth Dictionary of First Names/Ed. by McLeod I.L., Freedman T. – Hertfordshire: Wordsworth Editions Ltd. – 232 p.
- Walker L. (1990). My Lady's Deception. – New York: Zebra Books; Kensington Publishing Corp. – 256 p.